

жайший постельный режим. Но ведь можно работать и лежа! Плохо стали слушаться руки. Но ведь можно диктовать!

Каждый день, несмотря на боли и недомогание, Борис Леонидович открывал страницы «Махабхараты». Каждый день под крышей тихого домика оживали образы древнеиндийских сказаний. Они говорили о том, как две с половиной тысячи лет назад люди умели низвергать тиранов, о величии супружеской верности. О том, что война преступна, и о том, как еще тогда люди чуткой совести прилагали усилия, чтобы избежать кровопролития и братоубийства.

Начатый труд придавал ученому сил для борьбы с недугом.

Дело подвигалось неожиданно быстро. К 1957 году вышло два тома переводов. Среди них была философская поэма «Гита», притягательная сила которой, по словам Дж. Неру, и поныне так велика, что к ней обращаются все философские школы Индии. Третий и четвертый тома, выпущенные издательством Академии наук Туркменской ССР, содержат ряд эпизодов «Махабхараты», впервые переведенных на русский язык: «Горец», «Сказание о Раме», «Путешествие Бхагавана». Ни одного дня не задержал Борис Леонидович издательству рукопись пятого тома — «Мокша дхарма» («Ос-

нова освобождения»). Книга эта популярна в Индонезии. Она должна выйти в Москве, в Издательстве восточной литературы.

— А вот и шестой том, черновик перевода! — Тонкие и сухие пальцы профессора любовно касаются стопки тетрадной бумаги, перевязанной бечевкой. — Здесь еще четыре тысячи шло.

Я мысленно подсчитываю, сколько же переведено всего. Оказывается, около двадцати двух тысяч двустий. Это две «Илиады» плюс две «Одиссеи» по объему. Дело, конечно, не в арифметике, хотя и она о чем-то говорит. Цифра эта уже превосходит первоначальные наметки и замыслы Бориса Леонидовича. А ведь сделан не только перевод. Каждый из пяти томов снабжен введением, поднимающимся до уровня монографии. Титанический труд! (Между прочим, о нем сказано много теплых слов на проходящем сейчас в Москве 25-м международном конгрессе востоковедов.)

Профессор показывает нам письма из Индии. В одном из них его тепло приветствует вице-президент Индии философ С. Радхакришнан. Ученый перебирает журналы с рецензиями на перевод. Припоминает, как «еще в молодости» купил однажды книгу об искусстве Индии «на всю получку». Шутит. И неожиданно вздыхает:

АШХАБАД

— Да, а в Россию, в Питер (он окончил там военно-медицинскую академию), мне уже не попасть...

Очень не хочется покидать этот дом. Но глаза у хозяйки стали тревожными; она беспокойно поглядывает на профессора и на нас. Пора!

Стукнула сзади калитка. Снова шум городской суеты. Но и сквозь него мне все слышится задумчивый, тихий голос, словно бы про себя читающий старинное изречение:

— Праведный в тяжких страданиях да прибегнет к разуму как к лекарству. Пусть принимает он корень знания, труднодостижимое великое средство. Человек, овладевший разумом, рассекает великий недуг страданий...

Перед глазами — невысокий, худой старик с мудрым и печальным взглядом. Невольно думается о великой силе человеческого духа. О добрых «периферийных» традициях российской науки, которая блистательнейшими взлетами своими обязана не только столичным академиям, но и калужскому учителю математики, и механику-самоучке из Нижнего, и часовому мастеру из уездного городка Козлова.

Сильва

Рассказ

Р. ЗЕРНОВА

Рисунки В. ВЫСОЦКОГО.

Дорога ползет по узкому, скользкому берегу Мши. Она похожа на грозное море, которое вдруг застыло на полном ходу. Застыло, но не до конца, потому что между высокими снежными гребнями ухабов кое-где проступает темно-желтая вода. Скоро Мша и Мшанка разольются, и с лесопункта добрых две недели нельзя будет выбраться. Мужчины, перегнувшись через борт полуторки, смотрят на воду и переговариваются озабоченно. Мужчин двое — дядя Петя и незнакомый Валерке здоровенный парень, наверное, вербованный. Третий, начальник лесопункта, едет в кабине с шофером.

— Застрянем, — говорит дядя Петя.

— Ничего, — ободряет его вербованный. — Не застрянем — самого начальника везем. Только бы машину не занесло.

— А что?

— А то, что тормозов нет. Чуть занесет — и под лед. Понял?

— Ах, понеси тебя лешак! — перепуганно восклицает краснолицая тетенька, которая сидит посреди машины на своих узлах.

Валерка, придерживая рукой Сильву, тоже перегибается через борт, смотрит под колеса, хотя ничего особенного там разглядеть не может, и слышит, как дядя Петя успокаивает краснолицую тетку:

— Не тушуйтесь, дамочка, в крайнем случае мы плавать умеем! С нами не пропадете.

Голос у дяди Пети сейчас воркующий, голубиный. Валерка хоть и не поворачивается, но знает: он смотрит на ту тетеньку и щурится, как кот.

А мать молчит. Привалилась к дяде Пете и молчит. Сама закуталась в платок так, что лица не видать, а в руках пакет — дядя-Петино пальто, что нынче в райцентре купили.

Валерка слышал, что про мать говорят «пожилая», и ему это не нравилось. Пожилая — это же самое, что старуха, только вежливо. Вон Остроносиха всегда говорит про себя: я человек пожилой. Так у нее же и волосы седые и лицо, как печеная репа. Разве сравнишь мать?

И та же Остроносиха говорит матери про дядю Петю:

— Он человек молодой, а ты, Мария, пожилая. С ним знай край, да не падай! Терпи!

И мать терпит, вот уж скоро год. И терпят Валерка с Сильвой. Когда он приходит, оба замолкают, а Сильва для верности еще забивается под Валеркин топчан. Иначе дядя Петя непременно толкнет ее сапогом, хоть пьяный, хоть трезвый.

Когда пьяный, — что тут уж говорить! И Валерке достается и матери. А когда трезвый —

Е Д У Г ...

родов страны сотни людей, не будет ни одного, ни одной, кому нечего будет сказать. Александр Герман из города Горького сможет рассказать о том, как он и возглавляемое им конструкторское бюро Горьковского автозавода создавали «Волгу». Инженер Гайзер из Ленинграда — о том, как участвовал в сооружении атомного ледокола «Ленин». Командующий войсками Киевского военного округа дважды Герой Советского Союза генерал-полковник Петр Кошевой и москвич генерал-полковник Иван Чухнов поведают о своем боевом пути в рядах Советской Армии. Бывший кировоградский драмкружок Игорь Нежный прочтет главы из написанной им книги мемуаров о многолетней работе в театре. Министр просвещения УССР академик Иван Белодед поведал о своем пути в науку. Степан Стеценко из города Черкассы — о том, как он стал партийным работником, секретарем обкома партии. Старый коммунист кинорежиссер Александр Разумный, постановщик фильмов «Тимур и его команда», «Миклухо-Маклай» и многих других, поделится своими новыми творческими замыслами — он задумал создать фильм о нескольких поколениях комсомольцев...

И из коротких рассказов сложится большая и яркая повесть о том, какой безрадостной, тусклой, постылой наверняка была бы судьба юных жителей провинциального города Елисаветграда и Елисаветградского уезда в прежние времена и какая она теперь, в наше замечательное советское время.

Ветераны кировоградского комсомола на встрече в МГУ. Слева направо: полковник запаса Г. С. Колоколов, персональный пенсионер А. Н. Иваненко, маршал авиации В. А. Судец, министр просвещения Украины, действительный член Академии наук УССР И. К. Белодед, ректор МГУ профессор Г. Д. Вовченко, подполковник в отставке Б. И. Мельников, главный редактор журнала «Москва» писатель Е. Е. Поповкин, режиссер-театровед П. А. Черная.

Фото В. Минкина и Л. Лаговниера.